

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ДЕЕПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ
НА -ЫБАН, -ИБЭН, -УБАН, -УБЭН

Одной из специфических особенностей азербайджанских диалектов и говоров в отличие от литературного языка является широко распространенное употребление деепричастия на *-ыбан, -ибэн, -убан, -убэн*. Особенно часто эта форма встречается в губинском диалекте и в северных диалектах и говорах азербайджанского языка.

Показатель этой деепричастной формы имеет следующие сингармонические варианты: *-ыбан, -ибэн, -убан, -убэн*, и, кроме того, варианты, осложненные аффиксом 3-го лица ед. числа *-и*, который в этом составе действием закона сингармонии гласных не подвергается: *-ыбани, -ибэни, -убани, -убэни*. Например: *алыбан, алыбани* «взяв, взявши; купив, купивши», *қалибэн, қалибэни* «придя, идя». Еще одна разновидность рассматриваемого деепричастия образуется путем присоединения к нему аффикса 3-го лица мн. числа *-лары/-лэри*, начальный *л*- которого подвергается ассимиляции: *-ыбан + -лары > -ыбаннари, -ибэн + -лэри > -ибэннэри*; например: *алыбаннари* «купив», *қөрүбэннэри* «увидев» и т. д. Деепричастия на *-ыбан, -ыбани* в современном азербайджанском литературном языке не употребляются, но они были широко распространены в литературном языке, начиная с XI в. и кончая началом XX в., например: *Алыбани ордусуна қәтирдиләр* («Деде Коркут», XI в.) «Взяв его, привели в свое войско»; *Дурна учубан һаваја дүшүдү* (Хатай, XVI в.) «Журавль, летая, поднялся в воздух»; *Салланыбан кәклик кими сәкәндә* (Вагиф, XVIII в.) «Когда ты, словно куропатка, плавно семенишь»; *һачы Бәдәли јандырыбан јажмарам* (Сабир, XX в.) «Не причину горькой обиды Гаджи Бедалу».

Этимология деепричастия на *-ыбан* издавна привлекала внимание тюркологов. Первую в тюркологической литературе попытку выяснить происхождение этого деепричастия находим у М. А. Казембека, по мнению которого рассматриваемая форма образовалась путем присоединения к деепричастию на *-уб, -иб* форманта *-н, -ан*, чем достигается выражение «полного совершения прошедшего времени»¹; о том, что представляет собой формант *-ан*, Казембек не говорит ничего. В. Банг и К. Броккельман считали, что показатель рассматриваемого деепричастия *-ран, -рен*, встречающегося в орхонских надписях, образовался из деепричастного аффикса *-р* и инструментального аффикса *-ан*². Ж. Дени склонен видеть в деепричастиях на *-йбан, -йбани, -йбанн, -йбаннн*, встречающихся в старотурецких памятниках, сочетание деепричастия с родительным падежом личного местоимения³. Таким образом, этимология деепричастия на *-ыбан* до настоящего времени оставалась спорной.

При обследовании западных диалектов и говоров азербайджанского языка мы обнаружили деепричастие на *-ыфдан, -ифдэн, -уфдан, -уфдэн* в газахском диалекте. Примеры: *Гызарыфдан јерә кечмерсән, һәлә бир*

¹ М. А. Казембек, Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, стр. 340.

² См. об этом: А. Сафероглу, *Azeri türkçesinde -uban/-üben eki*, «Jean Deny armağanı, Mélanges Jean Deny», Ankara, 1958, стр. 62.

³ Ж. Дени, *Le gérondif de liaison -(y)üp*, «60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı, Mélanges Fuad Köprülü», İstanbul, 1953, стр. 126.

үзүмдә бахерсан? «Почему ты, краснея, не провалишься сквозь землю, а еще смотришь на меня?»; *Базардан қәлифдән көрдүм күн, қедифләр* «Возвращаясь с базара, я увидел, что они ушли».

По нашему мнению, приведенная диалектная форма может послужить отправным пунктом при выяснении этимологии деепричастия на *-ыбан*. Выделив составные части показателя деепричастия *-ыфдан*, мы увидим, что *-ыф* является вариантом показателя деепричастия *-ыб*, вторая же часть *-дан* является не чем иным, как аффиксом исходного падежа. Нужно заметить при этом, что в турецком народно-разговорном языке уже отмечалось деепричастие на *-(y)arak* в форме исходного падежа: *-(y)araktan/-(y)erekten*⁴. Известна также значительная роль, которая принадлежит местному и исходному падежам при образовании деепричастных оборотов (от соответствующих причастий) типа, например *-анда/-әндә* (*данышанда* «когда говорил», *қәләндә* «когда шел»), *-дыгда/-дикдә* (*алдыгда* «когда купил», *билдикдә* «когда узнал»), *-андан сонра/-әндән сонра* (*јазандан сонра* «после того как написал», *өләндән сонра* «после того как умер»), *-дыгдан сонра/-дикдән сонра* (*ачдыгдан сонра* «после того как открыл», *чимдикдән сонра* «после того как искупался»). Здесь следует учесть также, что показатель исходного падежа в диалектах имеет еще варианты *-нан*, *-нән*⁵, например: *аланнан сбра* «после того как купил», *қедәннән сбра* «после того как ушел».

Основываясь на всех приводимых выше фактах, я считаю, что происхождение деепричастия на *-ыбан* можно объяснить следующим образом: форма, от которой оно производится, — деепричастие на *-ыб* — получает наращение в виде аффикса исходного падежа *-нан*. При дальнейшем развитии полученной формы в соответствии с законом регрессивной диссимилиации выпадает начальный *н* падежного аффикса: *-ыб + -нан > -ыбан*. Таким образом, образуется деепричастие на *-ыбан*, *-ибән*, *-убан*, *-үбән*.

⁴ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 477.

⁵ Могут возразить, что аффикс *-нан*, *-нән* возможен только при оформлении слов, оканчивающихся на носовые звуки (*м*, *н*), и что при этом имеет место прогрессивная ассимиляция. Однако, как известно, в башкирском языке аффикс исходного падежа *-нан*, *-н* присоединяется и к словам, оканчивающимся на гласные; например: *даланнан* «из степи», *сөг-нән* «от матери» (Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 64).